

Аллергик

16+

Данила Трофимов

Данила Андреевич Трофимов

Аллергик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42628612

SelfPub; 2019

Аннотация

«Аллергик» – это сборник новелл, главный герой которых – весна со всеми вытекающими: радостями и горестями первых открытий, совершённых в свободное от расчёсывания глаз время. Каждому, кому знаком поллиноз, посвящается.

Всё-таки весна.

Я даже не заметил, как вдруг растаяли сугробы, и на их месте появились редкие ворсинки травы. Моя подруга-наркоша-Саша всё говорила: «Пришла весна, пришла». А я не верил. Не чувствовал, да и ладно.

Вышел из метро, поднял голову и на заляпанном серыми тучами небе увидел маслянистые голубые и жёлтые проблески.

Танк

Нашу группу выпускали гулять перед обедом. Группа была небольшая, а в тот день вообще мало кого привели – в саду грипп ходил.

Я играл в песочнице со своим танком, который подарил мне отец. Танк был металлический, на колёсиках, крепкий. Я катал его по песочным буграм и тархтел себе под нос.

Перед возвращением в сад группу обычно довыгуливали: водили раз-два вокруг пожухлого здания цвета неблагородной плесени. Во время этого хождения я подошёл к дереву, и, кажется, впервые начал рассматривать набухающие почки. «Так вот как весна происходит!» – обнаружил я.

Когда мы вернулись в сад, у меня зачесались глаза, сдавило горло. Воспитательница отвела меня к садовой врачихе, та дала мне супрастин. Я держал в руках танк, сжимал его, елозил им по коленкам, чтобы не чесать глаза – это было стыдно.

Скоро пришла за мной мама, и мы поехали в поликлинику. Мне поставили диагноз – аллергия на пыльцу, поллиноз. Прописали таблетки, ингалятор, капли в нос и в глаза – чтобы заглушить все то, что со мной случилось после прогулки в саду.

Часть анализов на аллергены сделали в тот же день. «Пойдѐшь делать лесенку», – улыбался мне доктор. «Лесенка» звучало интересно. Меня повели в соседний кабинет. Мама спросила, остаться ли ей со мной. Я сказал, что не надо. Она вышла за дверь.

В кабинете на потолке гудели две лампы. Врач готовила препараты. Она попросила меня положить руку на стол, развернуть её внутренней стороной. «Сейчас я тебе сделаю лесенку. Это не больно, просто порисую у тебя на руке лесенку».

Врач взяла меня за локоть и оцарапала запястье. Один раз, второй, третий... Каждую царапину она делала новым лезвием. Я закрыл глаза и постарался думать о хорошем – не получалось. Я слушал гудение ламп и вдыхал заспиртованный запах кабинета.

Мне исполосовали обе руки. На обоих запястьях по две ровных «лесенки». Я вышел из кабинета. Врач, закрывая за мной дверь, сказала: «Всѐ хорошо, он у вас молодец, только боялся зря».

Доктор сказал приходить нам на следующий день снова. После поликлиники мы зашли в аптеку и на рынок. Мама

купила мне ещё один танк, и всю дорогу я елозил им по коленям. «Вот чем тебя папаша наградил», – бросила мама.

Я любил весну всё меньше. Сейчас и не могу вспомнить, любил ли я её когда-нибудь в полную силу.

Сверкает всё

Был друг на класс старше. Я подошёл к нему с вопросом:
– Чё такое фотосинтез?

Друг пожал плечами. С ним рядом она стояла.

– А ты не знаешь? – спросил у неё.

– Не знаю.

И вот стою я на крыльце, жду её после уроков. Сменку не переобул специально: «Так лучше. Уличные – грязные, а сменка – чистая и поновей будет».

Стою, смотрю с крыльца: небо синее, солнце жёлтое. Расплывается вода. Всё сверкает.

Она вышла. Я смотрю на неё, рядом иду и по лужам шлёпаю... ноги сырые. В её дворе мы сели на лавочку. Ногами болтаю. И выдал вдруг:

– Счастье – это когда с человеком даже молчать клёво.

Потом я много раз так говорил. Когда повел её домой, она взяла меня за руку.

– Идём скорее, – сказала она и улыбнулась.

Её рука – сухая и тёплая, из пергамента ладонь. Держал её за руку совсем недолго, и когда она встала напротив меня, попытался её обнять и поцеловать. Она увернулась: «Не надо». И я не стал, но понял, что всё равно чувствую теперь

себя по-особенному. Счастливым.

Она достала ключи, открыла входную дверь подъезда. «До завтра, я рада, что ты меня проводил». Помню, как уходил от неё и смотрел по сторонам, старался запомнить: небо синее, солнце жёлтое, расплывается вода. Сверкает всё.

Обман

Весна обманчиво приходит в феврале, и тогда с утра идёт дождь, теплеет. Земля мякнет, раздувается лужами. А к вечеру – город опять в снегу. Обманула.

Мы с другом ехали на хату его бабушки. Бабушка его тогда лежала в больнице. В последний раз я видел её, она вся желтая ходила. Бабушка оставила моему другу ключи, чтоб он приезжал поливать цветы.

На хату шли пешком. У меня промокла шапка. Пришли. Полили цветы и сели на кухне. Мы в первый раз курили дома без палева.

– Хочешь, – предложил друг, – выпьем ликёр?

– А что это?

– Почти водка, только сладкая больно. Градусов 20-30, не знаю. Бабуленция сама готовит. Бахнем?

Выпили по чуть-чуть, ликёр действительно оказался очень сладким. Много его не выпьешь, а от послевкусия хотелось блевать. Я сказал:

– Давай больше не будем? А то бабуля-то тебя запалит.

– Да ерунда, – он затушил сигарету, допил стакан. – Но мы можем что-нибудь ещё щемануть. У неё тут настойка, похо-

ду, есть ещё.

Настойка тёмно-красная, на клюкве! Выпили по рюмке два раза. Мне вдруг захотелось позвонить одной девчонке. Я взял домашний радиотелефон с базы, пошёл звонить в комнату. Друг остался на кухне курить, мысленно порываясь полить цветы, стоявшие на подоконнике.

Войдя в комнату, я упал на диван и набрал номер девочки:

– Алло.

– Привет, Насть. Это Дима.

– Привет.

– Насть.

– Что?

– Ты хочешь жить вместе?

Я валялся на диване, слушал девочку.

– Я не знаю, – ответила она. – Рано думать.

– Я тебя люблю, Насть.

– И я тебя люблю, Дим, – говорила девочка. – Мы завтра встретимся?

– О, обязательно! Я буду целовать тебя, любить тебя, я люблю...

– Какой ты сегодня нежный, Дима.

– А какой я буду завтра, о, тебе понравится.

И так далее ... говорил всё это, а сам знал, что не поеду никуда завтра, не буду ни с кем встречаться – скучная Настя эта. Когда я положил трубку и вернулся на кухню, друг сидел косою. Пепел от сигареты, которую он держал, ссыпался и

развалился по скатерти. Друг зачарованно смотрел на цветы.
– Идём, – сказал я. – Пора уже.

Пошли домой. Вечер был лёдный. Сверху крупил снег. Конечно, была ещё совсем зима. Кого я обманывал?

Мобильник

С первого класса ездил в школу в соседний район, потому редко гулял с одноклассниками после учёбы: надо было отпрашиваться у мамы, подгадывать время так, чтобы вернуться не в ночи. Но если погулять предлагал Алик из параллельного класса, я всегда соглашался, потому что парень он, как тогда мне казалось, был офигительный: курил, как и я, имел обширную порнотеку на болванках и слушал «альтернативу» вперемешку с «Гражданской обороной».

– Затусим сегодня? – спросил он у меня.

– А чего нет? – ответил я. – Часа в четыре приеду на район.

Спрашивать разрешения в тот день не надо было: мама трубила сутки на работе. Бабке и деду я сказал, что пойду во двор с местными пивные банки пинать. Перед выходом закапал в нос, но не стал брызгать ингалятором и капать в глаза – ещё была ранняя весна, мог себе позволить.

Так под вечер и уехал. Встретились с Аликом на остановке рядом со школой. Ещё стояло маслянисто-оранжевое солнце, уже начинали шуметь деревья, как будто им уже было чем шуметь.

Гуляли у школы. Встретили там моих одноклассников: двух Серёг. Один – толстяк, другой – клешня, с левой ру-

кой-клешнёй, на которой всего два пальца есть. Вчетвером пошли курить на «каблук» (зауток такой, где можно не за-палиться). На детской площадке рядом с «каблуком» стояла беседка. Покурили ещё и в этой беседке, я угостил Серёгу-клешню сигаретами. Клешня курил клешнёй, а толстый совсем не курил, просто молчал и смотрел лениво в сторону. В пачке у меня осталась одна сигарета, и мы с Аликом решили продолжить гульбу в других местах.

Пошли в сторону набережной. Пробирались к ней дворами. На набережной захотелось курить. Мы сломали сигарету надвое. Алику досталась половина без фильтра, и он очень радовался. «Сильнее накроет», – довольный, пыхтел он папироску.

Мы курили быстро, стоя на краю бетонной сваи, возвышавшей нас над водами Москва-реки. На противоположной набережной солнце заходило за дома. Лениво тянулись к пристани две небольшие лодки. Маслянисто-тинно-бензиновый запах воды мешался с табачным дымом. Мы пускали дым и смотрели, как он плывёт медленно по воздуху.

Всегда боялся, что меня увидят знакомые и расскажут моей маме, что я курю. Но ещё больше я боялся, что умру от рака легких. Каждый раз, когда болела спина на уровне грудной клетки, думал: «Ну всё ...» Хотя лучший друг мой говорил, что у лёгких нет рецепторов, они не болят. Я верил ему, потому что он знал хорошо биологию и хотел стать врачом.

Решили расходиться, поплелись до автобусной остановки.

Алик пообещал по дороге купить пачку сигарет и отсыпать мне пару штук. На пути нам встретилась бабка, сухая, жалобная, но скоренькая, с животцой.

– Малявки, дайте на лекарство, – жалобно пропела она.

Малявки ответили, что нет у них ничего.

– Да шо ж вы жадные такие все! – резанула бабка, а потом как посмотрела на меня, зыркнула зло и сквозь зубьё редкое напорочила. – Плохо тебе будет.

«Да бог с ней», – сказал я Алику, рукой махнули да пошли дальше.

Когда купили сигареты, совсем стемнело. С пригорки мы поднимались по старой стальной лестнице, что вела к остановке, и лестница эта гремела, качалась. Наверху с нами поравнялся парень, с виду старше нас на пару лет, спросил, сколько времени. Мы с Аликом переглянулись. Алик пожал плечами. Я достал мобилу, новый кнопочный Siemens A60 с оранжевым экраном, сказал:

– Девять ноль одна.

– Добро, пацаны, – поблагодарил кудрявый парень. – А вы с какого района, местные?

– Ну да, – ответил я. – А чё?

– Да ничё. Просто здесь сейчас перестрелка будет.

Мы с Аликом снова переглянулись.

– Какая такая перестрелка, гонишь, что ли?

– Ща сюда пацаны с Марьино едут. Говорят, всех, кого увидят, убивать будут. Вы чё, ща вообще опасно на районе.

– А ты чего на улице тогда? – спросил встревоженный Алик.

– Да я боксёр, мне не страшно. А вот вам точно надо сливаться домой.

Даже не заметил, как мы прошли мимо остановки вдоль дороги.

– Мне домой надо. На автобусе, – сказал я, опомнившись.

– Так ты всё-таки не местный, а? – подался на меня парень.

Мы остановились. На противоположной стороне улицы людно: шли домой с работы дяди с пивными банками и тёти, гружёные продуктовыми пакетами.

– Слышь, а сколько время ещё раз? – кучерявый парень смотрел на меня зло.

Я достал мобильник.

– Слышь, а дай я сам посмотрю. Я отдам, не бойсь.

Я передал кучерявому мобильник. Тот взялся за него двумя руками, всё нажимал на кнопки и приговаривал, что, мол, крутая мобила, а что там ещё в ней есть, целый органайзер, круто так.

– Отдавай обратно, ну, – говорил я. – Мне домой уже надо.

Алик молча смотрел на мобильник и этого парня. На горку, сопя, подымался усатый мужик. Я смотрел на него долго, надеялся, что он смекнёт, но он прошёл мимо.

– Ну чего ты там делаешь-то? – спросил я у парня.

– Да погоду, ща-ща, – ответил спокойно кучерявый.

Он резко развернулся и прыгнул в сторону от дороги, под бугор. Парень почти скрылся из виду, когда мы с Аликом перестали тупить и побежали за ним. Я бежал, чувствуя, как во рту слюна насыщается железным привкусом, сдавливая лёгкие, но всё равно бежал и смог догнать парня. Я толкнул его, и мы упали. Я пытался ухватить его, но он бил и бил меня по голове, кажется, сначала кулаками, а потом, когда смог чуть высвободиться, привстать, – ногами. Я чувствовал, как подошва его кроссовок касается моего лица и оставляет жгучие следы, и я уморился, ослабил хватку – тогда парень и дёрнул. Алик появился через мгновение и поднял меня: «Там во дворе мусора стоят, давай, Диман». Пошли во двор, остановили ментов и давай наперебой их залечивать:

- У нас украли мобильник!
- Он убежал в ту сторону.
- Просто отнял мобильник и убежал.
- Мы шли, а он время спросил.
- Кучерявый такой!
- Боксёр, говорил.

Менты возили нас по району на серебристом форде с синими полосками. В салоне я начал кашлять и никак не мог остановиться. Только выкашляешь, кажется, всё, что есть в лёгких и горле, сплунешь как следует, в окно, а оно откуда-то всё равно возвращается.

Один из полицейских задвинул:

- Эх, пацаны. Если время вас спрашивают – вот, – он от-

нял руку от руля и показал часы.

Проезжая по набережной около круглосуточной палатки-магазина, мы заметили пьяную толпу и притормозили.

– Смотрите, есть там ваш кучерявый? – приказал полицейский.

Конечно, никого мы не нашли. Мы пробовали звонить на мой телефон, и он, конечно же, был уже вне зоны доступа. Полицейский спросил меня, буду ли я писать заявление. Я ответил, что да. Нас повезли в отделение. Я написал всё, как было, подписался и позвонил деду.

Начало одиннадцатого. Мы сидели около дежурного и ждали, когда всё наконец-то закончится. Я рассматривал стены, пожелтевшие решетки.

– Мы бы его отделали, – заявил Алик.

– Ну да, – подтвердил я. – Нас двое – он один. Как не хрен на хрен.

– Если бы не менты, я бы его догнал, думаю.

– А вдруг у него был бы нож?

– Наверное. Да и что?..

За Аликом пришла мама. Сказала, очень волновалась, и нам это казалось странным, ведь с нами ничего такого не случилось. Скоро приехал за мной дед. Когда мы довезли до дому Алика и его маму, я сказал деду:

– Мне стыдно.

– Не думай даже.

– Ты матери не говорил? Давай не скажем.

– Завтра решим. Но матери тебе всё равно надо звонить.

– Хорошо.

Дома бабушка налила мне вишнёвый компот. Последнюю банку открыла, хотя до этого говорила, что только летом откроем. Он был холодный и чуть кислый. Бабушка высыпала мне в плошку горсть вишенки из банки, и когда я с ними разделался, наказала позвонить маме на работу. Сказал маме, что всё хорошо, просто загулялся чуть-чуть. Она пожелала мне спокойной ночи, я пожелал ей спокойной ночи в ответ и пошёл в свою комнату. Долго не мог заснуть, меня мучил кашель.

На следующий день, когда мы сидели на «каблуке» с Серёгами, клешня, докуривая стреленую сигаретку, сообщил, что видел, кажись, кучерявого: «Похож на Савву из соседней школы». Толстый Серёга кивал, показывая, что тоже знает этого пацана, но я сделал вид, что не слышал ничего. Я думал, как получше соврать матери о мобиле, когда вернусь со школы, и уже забыть обо всём этом.

Преподаватель

В семнадцать лет я бросил курить. Если бросил в семнадцать, то во сколько начал? В двенадцать, в Сочи – понтовался перед красивой девочкой из Екатеринбурга, думал, она начнёт со мной мутить. Она так и не начала, а курить я всё же продолжил.

За пять лет я бросал раз сорок, но всегда неудачно. То есть начинался день, всё было по плану: утро без сигарет, день

без сигарет, вечер без сигарет. Но к ночи я сдавался. Крал из материнной пачки, которая всегда лежала на подоконнике на кухне, сигарету и шёл попыхивать в туалет. Стоя на унитазе, я выдыхал дым в вытяжку. Потом всем хвалился, что не курю уже два, три, четыре дня...

Ранней весной я бросил курить по-настоящему. Получилось это, когда начал заниматься вокалом. Я очень хотел петь в группе, играть тяжёлую музыку и участвовать во всяких гигах металлических.

Один знакомый посоветовал пойти учиться к одной крутой рыжеволосой тётке.

– Она ваще тащит, сто пудов научит грамотно, – говорил он. – У неё учились Самосов, Сидов, Старовичева. А? Круто же?

Круто. Ну, я и пошёл учиться. Кабинет для занятий находился на Болотном острове рядом с «Красным октябрём», но как только я зашёл внутрь здания, весь пафос, мажорность (ведь центр центровый же) куда-то исчезли. Всё такое себе, в потрескавшемся кафеле, пыли, в воздухе – запах спирта, блевотины и парфюма. В длинном коридоре на втором этаже напротив кабинета по вокалу стояла закрытая стоматология.

Я постучался, хотел зайти, но рыжеволосая женщина велела постоять за дверью. Занятие ещё не окончено. Пока ждал, вышел на улицу покурить. Ко входу ковылял парень, он прошёл мимо. Я вернулся к кабинету, а там тот же хромой.

– Привет, – сказал ему. – Ты к Красновой?

– Ага.

В жёлтых квадратных очках, смотрит куда-то в сторону. Парень стоял перекошенный: левая нога подогнута, одно плечо выше другого.

– Это у меня боевая травма с самбо, – пояснил он, хоть я и не спрашивал. Потом, когда мы уже прозанимались с Красновой около года, у нас состоялся пробный концерт. На него пришел брат-близнец этого парня, такой же перекошенный и странный, только без очков.

В первый же день нашего знакомства косой парень на полном серьёзе рассказывал о том, что все Макдональдсы – это тайные бомбоубежища. Он говорил это и смотрел в мою сторону, но куда-то мимо меня.

Мы дожидались начала занятий, пока там за дверью кто-то отчаянно рычал, кряхтел, «давал петуха» – учился скривить и гроулить.

– Пойду покурю пока, – не выдержал я.

– О, ты куришь? Ну, ничего. У Красновой бросишь. У неё с этим строго!

Я не пошёл курить и спрятал подальше пачку. Как-то неудобно, а то ведь вдруг действительно, не знаю, по рукам надаёт, например.

Прошло ещё полчаса, всё-таки нам дали зайти в класс и выдали по деревянной палке. Краснова взяла меня за руку и подвела к стене.

– Ставим палку на четыре пальца от пупка, – объясняла Краснова. – прижимаемся палкой к стене и при выдохе пытаемся оттолкнуться.

Я поставил палку на живот и упёрся в стену.

– Давай, теперь оттолкнись, – командовала она.

Было страшно, что при выдохе она почует сигаретный запах, и я медлил. Она посмотрела на меня ещё чуть-чуть и повернулась к косому парню:

– Лёнь! Чего стоишь, делай давай!

После того, как мы размялись, Краснова села за фортепиано, мы начали петь упражнения. Я пел тихо, слышно было только косоного парня. В промежутках между упражнениями он шутил очень глупо:

– Почему мы упражнение на дыхание берём на основе «Отче Наш»? Может, лучше из тибетских что-то или мантру какую?

Краснова ему спокойно отвечала:

– Лишь бы результат был, а так – чего хочешь пой.

Лёня улыбался, переваливались его плечи: одно выше, другое ниже...

– Вот что могут сделать сигареты со связками? – спросил и в мою сторону заулыбался.

– Просто в один день можешь проснуться, а у тебя полдиапазона нет, – ответила спокойно Краснова.

Так столкнулись во мне желание стать рок-звездой и нежелание бросить курить. А если действительно напишу кру-

тую песню, а потом в один прекрасный день даже не смогу её спеть? Противопоставил привычке мечту и бросил.

Весной, в марте, у Красновой был день рождения. Мама настояла, чтобы я подарил ей цветы. В воскресенье утром я вышел на занятия на десять минут раньше, зашёл в цветочный магазин и купил жёлтые тюльпаны. А когда пришёл на занятия, увидел, что класс Красновой весь завалили цветами. Особенно – жёлтыми тюльпанами. Букетик мой казался на фоне остальных худ и беден. Мы начали заниматься, я спросил её почему-то про сигареты:

– А что, совсем курить нельзя?

– Да не, Дим, ты чего, почему? Если хочется, то по праздникам можно. Да и кальян никто не отменял.

– А чего вы говорили Лёне про то, что если будешь курить, то полдиапазона рабочего будет тью-тью?

– Да мало ли что я Лёне могла сказать. Давай, меньше разговоров, больше дела, поём на «А-И-Э-О-У»...

Тогда я не курил уже два месяца.

Нашлёпки

После секса у меня свистело в груди. При каждом вдохе я давился, чтобы не начать кашлять, потому что если закашляешь, из твоих лёгких будет долго доноситься звук умирающего медведя.

– Может, ещё таблетку выпьешь? – спросила Катя. Она смотрела на меня с сочувствием, как на полуживого щенка с оборванным ухом. Я отвернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.